

Глава V

КОЛЛЕКЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

После разделения Кунсткамеры в 1836 г. на несколько самостоятельных музеев Этнографический музей оказался в наихудшем положении, так как у него не было директора. Директором музея по академическому уставу мог быть только академик, а в тот период ни один из действительных членов ИАН не занимался этнографией. 7 мая 1837 г. ответственным за Этнографический музей назначили минералога А.Ф. Постельса, а хранителем его коллекций по совместительству стал «консерватор» — хранитель Зоологического музея Е.И. Шрадер. В 1845 г. директором Этнографического музея утвердили академика Андрея Михайловича Шегрена (1794—1855), должность хранителя в октябре 1846 г. занял лингвист, преподаватель латинского языка Леопольд (Лев) Федорович Радлов (1818—1865).

Система учета коллекций

В Этнографическом музее с 1837 г. стали вести «журнал» новых поступлений. В «журнал» (книгу поступлений) вносили сведения о небольших подарках частных лиц. Каждой новой коллекции присваивался порядковый номер, начиная с единицы. Внутри коллекций предметы номеров не имели. Если собирательская коллекция состояла из вещей нескольких народов, то она не разбивалась на части, а относилась к тому географическому региону, по населению которого в ее составе было наибольшее количество предметов. Таким образом, в основных чертах была сохранена система учета коллекций Петровской Кунсткамеры. Отличие состояло в том, что теперь сведения о поступлении коллекций записывали в специальную книгу поступлений, а отдельным собирательским коллекциям стали присваивать музейные номера. В период с 1838 по 1890 г. в «журнал» записали коллекции, в состав которых входили вещи народов Америки, под номерами 2, 7, 12,

19, 25, 34, 38, 42, 56, 59, 78, 81, 91, 92, 107, 122, 185, 201. Возможно, эти номера давали коллекциям не по мере поступления, начиная с 1837 г., а в какой-то момент все записи в книге поступлений пронумеровали и, таким образом, каждой собирательской коллекции присвоили свой порядковый номер.

К отдельным предметам из коллекций В.И. Кашеварова, Л.А. Загоскина, И.Г. Вознесенского и др. есть два типа этикеток, сделанных Л.Ф. Радловым. Их легко отличить от других этикеток музея: они сделаны из картона, размер этикеток примерно 8×5,5 см. На одних этикетках названия предметов написаны карандашом на немецком языке, на других — чернилами по-русски. Часто на одной стороне этикетки Л.Ф. Радлов писал карандашом название предмета по-немецки, а на другой стороне — чернилами по-русски. Сейчас большинство этикеток Л.Ф. Радлова наклеено на музейные карточки, поэтому можно увидеть только одну их сторону. Наряду с предметами из вновь поступивших коллекций этикетки Л.Ф. Радлова есть и на некоторых вещах из старых коллекций Кунсткамеры. Например, к луку № 2667-18 имеются следующие этикетки: «№ 59» — этикетка МГАД, этикетка неизвестного происхождения с надписью “Kenaier” и этикетка Л.Ф. Радлова с надписью “№ 12 Kenaier (Tynai) Vogen”. Из-за недостатка выставочных площадей большинство ящиков с этнографическими коллекциями, присланных И.Г. Вознесенским, не распаковывалось. Поэтому к основной части его собрания этикетки Л.Ф. Радлова отсутствуют. Благодаря этим этикеткам можно установить, какие американские вещи были представлены на экспозиции Этнографического музея в период с 1846 по 1863 г.

Уже в 1838 г. в Этнографический музей поступила небольшая коллекция (№ 568) от летописца Русской Америки **Кирилла Тимофеевича Хлебникова** (1784–1838). Первоначально она состояла из пяти предметов, в настоящее время в этой коллекции зарегистрированы алеутская шляпа-козырек и эскимосский лук. Эти вещи К.Т. Хлебников мог приобрести во время одной из инспекторских поездок по отделам Российско-Американской компании. В период летней навигации 1825 г. он посетил о. Уналашку, Прибыловы острова и о. Атку. В 1827 г. на судне «Кяхта» К.Т. Хлебников посетил острова Атку, Беринга, Атту и Амчика, в 1829 г. на бриге «Головнин» — о. Уналашку и Прибыловы острова.

Также к поступлениям 1838 г. относится собрание, зарегистрированное **Францем Ивановичем Рупрехтом** (1814–1870). На некоторых предметах музея сохранилась карандашная надпись “Ruprecht 1838”. Ф.И. Рупрехт в 1838 г. поступил на службу в Ботанический музей ИАН. Вероятно, его привлекали и к регистрации этнографических коллекций, либо эти вещи первоначально поступили в Ботанический музей, а уже оттуда их передали в Этнографический музей. Всего удалось выявить 14 предметов, на которых карандашом написана фамилия Ruprecht. Их большая часть относится к изделиям алеутов. Это метательная дощечка (№ 2868-12), семь легких гарпунов для охоты на каланов (№ 2868-129–135), четыре гарпуна для охоты на сивучей (№ 2868-142, 161, 167, 228), легкий гарпун, бросаемый с метательной дощечки (№ 2868-225). Только один предмет — лук (№ 2915-25), имеющий надпись с фамилией Рупрехта, — не является алеутским. Это изделие эскимосов чугачей. Кто был собирателем этой коллекции, установить не удалось.

Поступление значительной части американских коллекций Этнографического музея связано с именем И.Г. Вознесенского. Благодаря его деятельности многие служащие Российско-Американской компании стали заниматься сбором различных коллекций.

Собрание В.И. Кашеварова

В начале 1840-х годов в музей поступила этнографическая коллекция от «купеческого сына» из Санкт-Петербурга **Василия Ивановича Кашеварова**. В 1831–1838 гг. он был управляющим Кадыкского отдела Российско-Американской компании, в 1839 г. вернулся в Санкт-Петербург. В настоящее время часть коллекции В.И. Кашеварова зарегистрирована под № 518. В ее состав входят четыре резные ложки из рога горных коз эскимосов чугачей, две рубахи и штаны, составляющие единое целое с обувью индейцев денайна. Также к его сборам относится алеутская деревянная шляпа (№ 2868-38), на этикетке к которой написана фамилия Кашеварова. К коллекции В.И. Кашеварова хранитель Этнографического музея Л.Ф. Радлов составил список предметов, копия которого в настоящее время хранится в отделе Америки МАЭ.

- «Реестр разным вещам, привезенным с северо-западных берегов Америки, служившим в колониях Российско-Американской компании Василием Кашеваровым
- 1–2. Две шляпы из кореньев.
  - 3–4. — — — из дерева (№ 2868-38. — С.К.).
  - 5–9. Пять разных вышитых шапочек.
  10. Одна парка из шеек бакланов.
  11. Одно одеяло из шеек разных морских птиц.
  12. Одно — — колошенское из шерсти диких коз.
  13. Один патронташ — — .
  - 14–15. Пара платья кенайского из ровдуги (№ 518-2а, b; 518-3а. — С.К.).
  - 16–17. Пара ножен для копей.
  - 18–19. Пара торбасов Аляскинских.
  20. Одна камлея кишок сивучьих.
  21. — — — — — медвежьих.
  22. — — — — — китовых.
  23. Один мешочек с мелочами из китовых жил.
  - 24–27. Четыре штуки ложек из рога горных баранов (№ 518-1а, b, c, d. — С.К.).
  - 28–32. Пять кусков кишок медвежьих.
  - 33–34. Два — — — — китовых.
  - 35–36. Две штуки плева с китовой печени.
  37. Один колпак из пуха горных баранов.
  - 38–41. Четыре птички работы алеутской.
  42. Один рак морской.
  43. Окаменелые ракушки и дерево».

При регистрации коллекции В.И. Кашеварова Л.Ф. Радлов сделал музейные этикетки к отдельным ее предметам. Сравнение надписей на этикетках с вышеприведенным списком позволяет предположить, что позднее некоторые предметы из коллекции В.И. Кашеварова отнесли к сборам И.Г. Вознесенского. В частности, речь идет о фигурках птичек с порядковыми номерами с 38-го по 41-й по списку. В настоящее время в коллекции № 620 зарегистрировано шесть фигурок птичек кадыкцев. В описи они записаны как вещи из сборов И.Г. Вознесенского, но в списках его коллекций, отправленных из Русской Америки в Санкт-Петербург, указаны только три фигурки птичек кадыкцев. Соответственно, из семи фигурок птичек (четыре В.И. Кашеварова и трех И.Г. Воз-

несенского) одна была утрачена, а оставшиеся шесть объединили в одну коллекцию.

Собрание Л.А. Загоскина

От известного исследователя Аляски **Лаврентия Алексеевича Загоскина** (1808–1890) музей получил две коллекции по народам Русской Америки. Первая (№ 7), из девяти номеров и десяти предметов, поступила в 1839 г., вторая (№ 19) — 20 февраля 1846 г. Ее передал один из директоров Российско-Американской компании барон Ф.П. Врангель в трех ящиках, в которых вместе с этнографическими экспонатами находились минералы, птицы и насекомые [Летопись 2002: 343]. В настоящее время вещи из собрания Л.А. Загоскина зарегистрированы в коллекции № 537. В этой коллекции перерегистрированы вещи из коллекции № 19. Что касается коллекции № 7, то Л.А. Загоскин не был ее собирателем. Он приобрел эту коллекцию либо в Охотске на пути в Америку, либо в самом начале своего пребывания в Русской Америке. Выявить данную коллекцию в общем фонде не удалось, но имеется ее список, который может быть полезен при дальнейших поисках этого собрания.

«Список предметов Алеутов,
приобретенных у Л. Загоскина за 300 р.

1. 2 (две) камлейки мужские из горла тюленей туземцев Ледяного мыса.
2. Камлейка кишечная, опушена белым медведем, отсюда же.
3. Камлейка из шкуры морской рыбы, рода лососей (в Камчатке: чавыга).
4. — — — нарядная женская, отделана щучьими шкурами и опушена росомахой. Жителей низовьев Квихпака.
5. Рабочий женский мешок тех же мест.
6. Удочка туземцев Нортова залива, которою ловят лахню или навагу.
7. Трубочка туземцев Нортова залива.
8. Пара украшений туземцев Квихпака и Кускоквима при плясках. Различными их движениями они как бы гармонируют выражениям песни и телодвижениям пляски.
9. Удочка из морской капусты, употребляемая для ловли трески и палтусов Алеутами острова Уналашки» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 6–7].

В Ново-Архангельск Л.А. Загоскин прибыл 6 октября 1839 г. Первые два года службы в колониях он командовал судами Российско-Американской компании, в 1842—1844 гг. возглавил экспедицию по исследованию внутренних районов Аляски. Около четырех месяцев, с июля по декабрь 1842 г., Л.А. Загоскин с отрядом из нескольких человек находился в Михайловском редуте на побережье залива Нортон. Коренным населением этого района были эскимосы чнагмюты (современное название — уналигмиуты) [Handbook 1984: 285], которых Л.А. Загоскин также называет поморцами (приморцами) и канг-юлит, что переводится как «единоязычные». В декабре 1842 — январе 1843 г. Л.А. Загоскин со своим отрядом прошел вдоль побережья залива Нортон к устью реки Уналаклит и вдоль ее русла вышел к реке Юкон (Квихпак). Отсюда по течению Юкона он поднялся до Нулатовской одиночки, которая находилась на территории атапасков коюкон. Летом 1843 г. Л.А. Загоскин исследовал притоки Юкона, в это время он изучил культуру местного населения — эскимосов квихпакцев. В дальнейшем он исследовал район среднего течения реки Кускоквим, где изучал культуру еще одной группы — эскимосов кускоквимцев.

В первые дни пребывания в Русской Америке Л.А. Загоскин познакомился с И.Г. Вознесенским. Л.А. Загоскин не только собирал различные коллекции, но и составлял их списки, в которых указывал порядковые номера отдельных предметов. В МАЭ нет оригинала списка этнографической коллекции Л.А. Загоскина, но этот список переписан в журнал поступлений музея, где указаны порядковые номера предметов. Этикетки с этими же номерами были прикреплены к предметам, впоследствии их переклеили в карточный каталог. Вероятно, коллекцию № 19 (сейчас № 537), так же как и собрание В.И. Кашеварова, зарегистрировал Л.Ф. Радлов в 1846 г.

«Список предметов собранных лейт. Загоскиным
в экспедиции по материку С.З. Америки
в 1842—1844 (всего 32 штуки).

1. Костяное изображение туземцев Квихпака № 1.
2. Чукотский костяной идол № 2.
3. Серьги туземцев Квихпака № 3.
4. 3 (три) гребня с низовьев Квихпака № 5 и 6.
5. 2 (две) табакерки с р. Квихпака № 7 и 8.

6. Иглы для раздирания таловой коры в игольниках № 12 и 13.
7. 5 (пять) иголок для наматывания таловых ниток с р. Квихпака № 15, 16.
8. Календарь 4-х времен года с бобровым зубом для правки ножей (туземцев. — С.К.) с Нортонова залива № 17.
9. Лебединая кость для питья воды из-под снега.
10. Нож моржовой кости (туземцев. — С.К.) с р. Квихпака и Кускоквима для рисования на снегу во время безделья.
11. Зимняя шапка (туземцев. — С.К.) с р. Кускоквима взамен куля № 21.
12. Женская еврашечья парка, отороченная белой выдрой, с Кускоквима № 22.
13. Мужская еврашечья парка с р. Квихпака и Кускоквима № 23.
14. Мужская парка Тарбаганья, верховьев Квихпака и р. Юннака № 24.
15. Женская парка из оленьих выпоротков, узор малейгмютский № 25.
16. Нарядные женские штаны № 26.
17. Перчатки туземцев Нортонова залива № 27.
18. Травяные чулки (туземцев. — С.К.) с Квихпака и Кускоквима № 28.
19. Рыболовная сеть из тальниковой коры с Квихпака № 34.
20. Камлея из налиных шкур с Квихпака № 29.
21. Кишечная женская камлея, надеваемая при плясках (туземцами. — С.К.), из Квихпака и Кускоквима № 30.
22. Рукодельный женский мешок с низовьев Квихпака № 31.
23. Ровдужная парка с верховьев Квихпака № 32.
24. Ровдужьи перчатки с верховьев Квихпака №» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 21–23].

Согласно списку, в собрании Л.А. Загоскина представлены вещи эскимосов квихпакцев (жителей низовой реки Юкон) и кускоквимцев (жителей низовой реки Кускоквим), их часто объединяют под общим названием «речные эскимосы»; уналигмиутов (чнагмиутов, по Л.А. Загоскину. — С.К.), населявших юго-восточную часть побережья залива Нортон; малеймиутов (малейгмиутов, по Л.А. Загоскину. — С.К.), последние населяли район от северной части побережья залива Нортон до залива Коцебу, и атапасков коюкон.

Культура квихпакцев представлена женской фигуркой в меховой парке (№ 537-1) — «Костяное изображение туземцев Квихпака № 1». Фигурка могла быть «заменителем» отсутствующего человека. При длительном отсутствии человека эскимосы делали его куклу. Ее кормили, одевали, раздевали, укладывали спать и всячески заботились о ней. Также такие фигурки считались временным пристанищем души умершего человека при отправлении ее в загробный мир и в период реинкарнации.

Три серьги (№ 537-2b, c, d) упомянуты в списке Л.А. Загоскина как «серьги туземцев Квихпака № 3». Они использовались как мужчинами, так и женщинами. Костяной гребень (№ 537-3a) и деревянные гребни (№ 537-3b, c) — «3 гребня с низовьев Квихпака № 5 и 6». Верхняя часть рукоятки первого гребня вырезана в виде антропоморфного мужского лица с татуировкой и двумя закрашенными точками под нижней губой, которые символизируют втулки. Резной узор на последнем гребне нехарактерен для искусства эскимосов, этот орнамент можно рассматривать как изображение головы духа — два «завитка» вверх символизируют глаза. Нос изображен ниже в виде трех «завитков», губы представлены в виде узкой раскрашенной полосы.

Под № 537-4a, b значатся две табакерки — «2 табакерки с р. Квихпака № 7 и 8». Первая табакерка сделана из одного куска дерева в виде трех соединяющихся цилиндров. На каждом цилиндре вырезаны два барельефных лица, окрашенных красной краской, — улыбающееся мужское лицо с втулками под нижней губой и женское лицо с опущенными вниз уголками рта. Еще одна табакерка (№ 537-23) не значится в списке к коллекции Л.А. Загоскина. На этикетке к ней указан номер «10». Табакерка вырезана в виде двух фигурок тюленей, одна из которых является ее дном, а другая — крышкой. Между ними находится резервуар из моржовой кости для хранения табака. Изображения тюленей ассоциировались с хозяйкой моря, считалось что она посылает охотникам добычу. Л.А. Загоскин писал: «Когда совершенно смерклось, то, вымазав себе окончательно лица, (мужчины. — С.К.) послали нас к женщинам в зимники. Минут 10 спустя слышался глухой вой, гуканье, мычание и вскоре с тяжким храпением ввалились оборотни, поднимая головы, нюхая и фыркая, как тюлени. Поистине невозможно было отличить полной человеческой фигуры: иной тащился ногами вперед, другой полз

вверх брюхом, голова третьего выкатывалась промеж ног следующего: все перевивалось, как группа змей в зимнее время. Лица выражали зверство. Обратни хватались за все, но более старались тормозить женщин, которым предстояло только одно средство — откупаться подарками: сидя перед жирниками они имели кондаки (сосуды. — С.К.) толкуши, белужьего жира и других съестных припасов. Каждому подползающему клали (пищу. — С.К.) в калуги (миски. — С.К.), которые они таскали с собой» [Загоскин 1956: 104].

Эскимосы объяснили Л.А. Загоскину, что мужчины, подражая движениям тюленей, представляют духов моря, от которых зависело, насколько успешной будет охота и, соответственно, насколько изобильны будут запасы пищи в следующем промысловом сезоне.

Под № 537-7а, б и № 537-8а, б зарегистрированы футляры с костяными иглами. Они упомянуты как «иглы для раздирания таловой коры в игольниках № 12 и 13». Футляр (№ 537-7а) вырезан в виде фигуры мифического морского животного с оскаленной пастью. Его ласты и спинной плавник сделаны из кости, глаза — из бисера. Голова фигуры была окрашена в серо-голубой цвет, ноздри и рот — в красный цвет. Футляр представляет собой полую трубку, внутрь которой вставляли полоску мягкой кожи с воткнутой в нее иглой и закрывали отверстие пробкой. Еще один футляр для иглы (№ 537-24) в списке Л.А. Загоскина не упомянут, на этикетке к нему стоит номер «14». Предметы № 537-9а, б, i, d, e, f — это мотушки для наматывания ниток: «5 иголок для наматывания таловых ниток с р. Квихпака № 15, 16».

Мужская камлейка (№ 537-10) упомянута как «камлея из налимьих шкур с Квихпака № 29». Она украшена 16 кистями из двойных полосок бобрового меха. Такая одежда непрочна и недолговечна, но изобилие материала и легкость его обработки позволяли эскимосам шить одежду из рыбьей кожи. К ней отнесем цитату: «Камлеи, надеваемые в снежное время или в крепкие морозы, приготавливаются также из рыбьих шкур, главнейшее, налимьих и красной рыбы. Шкуры щучьи, зубатки или морского налима и выделанные нерпичьи горла употребляются только для узоров или оторочек. Подол и куль таких камлей обшивается росомхой или зайцем и украшается пришивкою в различных местах росомашьих и выдровых ремешков» [Там же: 217].

Также в собрании Л.А. Загоскина представлена женская камлейка (№ 537-14) — «Кишечная женская камлея, надеваемая при плясках, из Квихпака и Кускоквима № 30». Она являлась частью ритуального костюма и использовалась во время поминальных потлачей и других празднеств. В повседневной жизни такую одежду не носили. В покрое и орнаменте этой камлейки проявляется сильное влияние малеймиутов полуострова Сьюард: «Камлеи женские плясовые, в которых они являются на больших зимних игрушках, шьются из весьма тонких нерпичьих или медвежьих кишок; нашивных украшений не имеют, но, подобно как на малейгмютских парках, узоры прямо в них вшиваются; надетые прямо на тело, сначала по всей сухости она просвечивает, потом, когда наружный жар, внутренние испарения и продолжительность пляски размягчат камлею, она обнимает плясунью, и иногда столь неудачно, что разрывается и производит общий хохот» [Там же].

Рыболовная сеть (№ 537-27) упомянута в списке Л.А. Загоскина: «Рыболовная сеть из тальниковой коры с Квихпака № 34». В основном сети из «тальниковой коры», то есть расщепленных ветвей ивы, использовались для промысла нельмы и сига: «Обыкновенный сеточный промысел производится весьма просто: один конец сети опускается с грузом в реку; другой соединенными побочными (палками. — С.К.) привязывается к талине (шесту из ивы. — С.К.), воткнутой в берег, которая своими колебаниями показывает добычу. Для того чтобы сеть стояла в вертикальном положении, по верхнему ее краю подвязывают из тополевой коры поплавки» [Там же: 219].

Для хранения швейных принадлежностей эскимоски использовали небольшие сумочки: «Рукодельный женский мешок с низовьев Квихпака № 31». Сумочка (№ 537-29) украшена двойными нитками бисера белого и черного цветов, к нижней части которых прикреплены полоски меха. Два предмета обозначены как изделия жителей Квихпака и Кускоквима. Вероятно, они относятся к изделиям эскимосов дельты реки Юкон. Это летняя обувь (№ 537-15/1–2) — «Травяные чулки с Квихпака и Кускоквима № 28» и нож из моржового клыка (№ 537-16) — «Нож моржовой кости с р. Квихпака и Кускоквима для рисования на снегу во время безделья». О его назначении собиратель писал: «Женщины не оставались праздными зрительницами: вооруженные нарочно для того приготовленными ножами из мамонтовой и моржовой

кости, они весьма искусно выводили по снегу различные узоры» [Там же: 225].

Только в отношении двух предметов в списке коллекции Л.А. Загоскина указано, что это вещи эскимосов низовья реки Кускоквим. Это женская зимняя парка и головной убор — «Зимняя шапка с р. Кускоквима взамен куля (капюшона. — С.К.) № 21». Такой тип меховых головных уборов был широко распространен среди эскимосов побережья Берингова моря — от залива Нортон на севере до полуострова Аляска на юге. В отличие от капюшона, меховой капор не ограничивал движения головы, что было важно во время охоты: «Куль заменяется особой шапкой вроде капора, также опушенной волком или зайцем. Задняя и боковые стороны капора оторачиваются бахромю дюймов шести длиною из оленьих, выдровых или других ремешков, мездра которых красится красной краской; форма и фасон этих шапок принят у инкилихлюатов, или дальних инкиликов, и должно сказать, что они, укрывая голову как куль, удобнее их, потому что свободнее для движения шеи. Кускоквимцы на свои шапки употребляют преимущественно шкуры с оленьей головы; другие шьют их из лобков еврашек, а некоторые из соболей. На нарядные капоры нашиваются по бокам особые узорчатые украшения из белой брюховины оленя, отороченные выдрой или росوماхой, а к самому затылку прикрепляют волчий или росомаший хвост» [Там же: 216–217].

Женская парка из меха длиннохвостого суслика (№ 537-21) упомянута как «женская еврашечья парка, отороченная белой выдрой, с Кускоквима № 22». На женских парках кускоквимцев с боков на подоле имелись небольшие вырезы. Вероятно, к изделиям кускоквимцев относится и мужская парка (№ 537-13), о которой сказано: «Мужская еврашечья парка с р. Квихпака и Кускоквима № 23». Эта парка — типичная мужская одежда «речных» эскимосов. Обычно длина парки доходила до ступни, для того чтобы подол не мешал во время ходьбы, его подтягивали вверх и перевязывали поясом на талии так, чтобы подол не опускался ниже колена. Об одежде «речных» эскимосов Л.А. Загоскин писал: «По образу домашней своей жизни и, частью, по местам, ими занимаемым, квихпагмюты не имеют достаточных средств к удовлетворению своих потребностей в рассуждении зимней одежды: получая ее как готовую, так и в оленьих и еврашечьих шкурах от приморцев и кускоквимцев, они присвоили тот и другой покрой.

Парки кускоквимцев шьются до пят и без куля; сверх того шитые из еврашек отличны тем, что лапки и хвосты не обрезаются вообще, а разрезанные на узкие ремешки висят кисточками вокруг всей парки» [Там же: 216].

Ряд предметов в списке обозначен как изделия жителей залива Нортон. Здесь говорится об эскимосах уналигмиут, живших в районе Михайловского редута. Это предметы из кости и пара перчаток. Трубочка для питья (№ 537-5) упоминается как «лебединая кость для питья воды из-под снега». Вероятно, она входила в состав первой коллекции, поступившей от Л.А. Загоскина в 1839 г.: «Трубочка туземцев Нортонского залива». О костяной рукоятке (№ 537-6) от тесла сказано: «Календарь 4 времен года с бобровым зубом для правки ножей с Нортонского залива № 17». Лезвие тесла до настоящего времени не сохранилось, оно было сделано из переднего резца речного бобра и имело заостренную форму. Лезвие тесла также использовалось для заточки ножей. На четырех гранях рукоятки изображены сцены охоты эскимосов в разные времена года. Поэтому эскимосские изделия из кости со сценами охоты европейцы в XIX в. иногда называли календарями.

О перчатках (№ 537-19/1–2) в списке коллекции сказано: «Перчатки туземцев Нортонского залива № 27». Л.А. Загоскин писал: «Рукавицы редко употребляются туземцами, разве в большие холода; перчатки шьются довольно правильно из оленьих или норочьих (норковых. — С.К.) шкур и оторачиваются выдрой, волком или росомахой» [Там же: 90].

Также к изделиям уналигмиутов относится женский пояс из оленьих зубов (№ 537-26). Такой пояс молодой человек дарил своей невесте как символ того, что юноша стал настоящим охотником и в состоянии обеспечить семью. Переходя к женщине, пояс становился знаком ее семейного положения, такие пояса носили только замужние женщины. Его надевали поверх парки и носили ниже талии, на бедрах. Считалось, что пояс защищал женщину от болезней. В конце XIX в. пояса из резцов оленей уже передавались по наследству, чем старше был пояс, тем сильнее, считалось, его магическая сила: «Окончательно мужем признается только тот, кто промыслил несколько волков, поймал столько оленей, что из передних их челюстей имеет пояс для подарка своей невесте» [Там же: 88].

У населения северного побережья залива Нортон — малеймиутов — Л.А. Загоскин приобрел женский зимний костюм, со-

стоящий из парки и меховых штанов. Парка упомянута в списке как «женская парка из оленьих выпоротков, узор малейгмютский № 25»: «Зимние парки обыкновенно шьются с башлыком или кулем, который заменяет шапку. Подол, обшлага и куль обшивается волком. Такая опушка на парку из хребта лучшего выходного волка ценится в два или три бобра. Лучшие парки, как по достоинству шкур, так и по красоте узоров, получаются от малейгмютов: те, имея возможность доставать от чукчей шкуры домашних оленей, отделяют одежду с большим вкусом» [Там же: 90].

Штаны из белого меха домашнего оленя (№ 537-12) — это «нарядные женские штаны № 26». У Л.А. Загоскина приведено описание праздничного женского костюма: «Женщина в чукотских шитых торбасах, белых из домашнего оленя штанах, малейгмютской парке, узор которой весьма сходен с латами древних рыцарей, и в свежем туземном головном уборе не покажется отвратительной и глазу ко всему приглядевшемуся европейца» [Там же].

По культуре атапасков коюкон в коллекции Л.А. Загоскина зарегистрированы три предмета. Это мужская парка (№ 537-11), о которой в списке сказано: «14. Мужская парка Тарбаганья, верховьев Квихпака и р. Юннака № 24»; женская замшевая рубаша (№ 537-22), в комплект к которой входят перчатки (№ 537-20/1–2). Рубаша упомянута как «Ровдужная парка с верховьев Квихпака № 32». Л.А. Загоскин привел подробное описание одежды атапасков коюкон: «Племя юнака-хотана и прочие летнюю одежду имеют из оленьих или лосиных ровдуг, которую нередко надевают и зимою сверх зимних парок. Платье это покроем сходно с длинной рубахой, подходящей под горло и оканчивающейся спереди и сзади клиньями. У женщин оконечности клиньев доходят до половины икр, у мужчин — до колена. Ровдужные штаны тынайцы шьют почти в обтяжку вместе с чулками, которые отвечают и за сапоги.

Пристрастные по природе к нарядам и ярким цветам, все дальние племена выдумали украшать свою простую одежду шитьем из игл дикобраза, оленьих волос, узорами из низаного бисера, цуклей, привесками медных обрезков, колокольчиков и прочая. В случаях такого украшения бордюры до 2 дюймов ширины, низанный или шитый арабесками, прикрепляется спереди по груди, захватывая несколько и плечные лопатки; к нему для пышности наряда пришивают дюймов 4–5 длины ровдужью бахрому, на каждую нить которой надевают какие-то растительные зерна, добываемые в озе-

рах. Подол рубахи равномерно обшивается такую же бахромой. Одни фигуры, шитые дикобразными иглами арабесков, красятся в красный или бурый цвет; другие остаются белыми. При других украшениях бисером закрываются все швы рубахи» [Там же: 251].

Кроме изделий народов Аляски, в состав этой коллекции входит «чукотский костяной идол № 2» (№ 537-25). Табакерка (№ 537-23), футляр для иглы (№ 537-24) и пояс (№ 537-26) не указаны в вышеприведенном списке. Табакерка имеет этикетку с порядковым № 10, футляр для иглы — № 14. Пояс, вероятно, поступил вместе с одной из парок или камлеек. Несмотря на то что собрание Л.А. Загоскина по народам Русской Америки гораздо малочисленнее, чем собрание И.Г. Вознесенского, он оставил подробное описание их культуры. Результаты исследований Л.А. Загоскина дополняют собрание И.Г. Вознесенского и, используемые вместе, позволяют воссоздать многие элементы традиционной культуры народов Аляски.

Также необходимо отметить, что в 1839 г. Л.А. Загоскин передал в музей несколько украшений из перьев и жуков индейцев Бразилии. В 1846 г. при его посредничестве Этнографический музей получил полный костюм вождя от посла Бразилии в России генерала Паулу Барбоза де Силва [Ершова, Корсун 2005: 34, 37].

Собрание А.Д. Романовского

Врач, штаб-лекарь **Александр Данилович Романовский** поступил на службу в Российско-Американскую компанию в 1838 г. В Русскую Америку он отправился в 1839 г. на судне «Николай I». На этом же судне находились И.Г. Вознесенский, А.К. Этолин, У. Сигнеус, Р.Ф. Сальберг. Все они во время пребывания в Русской Америке занимались сбором различных естественно-научных коллекций. Коллекции финских исследователей сейчас находятся в Национальном музее Финляндии в Хельсинки. В музеи Санкт-Петербурга поступили коллекции только от И.Г. Вознесенского и А.Д. Романовского. В марте 1845 г. А.Д. Романовский отправил орнитологическую коллекцию в музей Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

После окончания срока службы в Русской Америке А.Д. Романовский выехал в Россию через Сибирь. В 1846 г. он прибыл в Москву, где до 1863 г. служил врачебным инспектором при Мос-

ковском университете. Свою этнографическую коллекцию он передал в Этнографический музей во второй половине 40-х годов XIX в. (№ 568). В настоящее время в ее составе числятся 29 предметов. Это метательная дощечка и легкие гарпуны алеутов, стрелы индейцев Калифорнии и три модели каяков эскимосов острова Кадьяк. Первоначально коллекция А.Д. Романовского была более многочисленной. Несколько предметов его собрания в настоящее время зарегистрировано среди сборных коллекций. Это два лука эскимосов залива Нортон (№ 4157-87, 4193-85) и материал для изготовления камлеек — кишечная полоса (№ 2868-33). Из других этнографических материалов А.Д. Романовского укажем на его статью «Пятилетние медицинские наблюдения в колониях Российско-Американской компании» [Романовский 1849].

Собрание А.Ф. Миддендорфа

К десяти предметам североамериканского собрания музея имеются этикетки, на которых по-немецки написано: “Middendorf. 28 April 1847”, на некоторых из них сделана приписка — «Вознесенский». И.Г. Вознесенский был знаком с двумя учеными с такой фамилией — это **Александр Федорович (Теодор) Миддендорф** (1815–1894) и **Владимир Андреевич Миддендорф** (1826–1868). Известный исследователь Сибири А.Ф. Миддендорф в 1842–1845 гг. совершил путешествие по северо-восточной Сибири — через Иркутск в Якутск, оттуда на побережье Охотского моря, затем на Шантарские острова и в район Амура. В.А. Миддендорф находился в Русской Америке в период с апреля 1849 г. по ноябрь 1856 г. В Ново-Архангельске он служил директором магнитной обсерватории. В.А. Миддендорф был знаком с лингвистом Л.Ф. Радловым — хранителем Этнографического музея в 1846–1863 гг. По его просьбе В.А. Миддендорф собирал материалы по языку тлинкитов и хайда-кайгани.

Коллекция Миддендорфа в собрании МАЭ состоит из лука индейцев Калифорнии (№ 570-130), сосуда из аргиллита индейцев хайда (№ 2539-31). К изделиям алеутов относятся три фигурки каланов (№ 2937-25, 26, 27), инструмент для расщепления нитей (№ 2938-20), гравированная пластина (№ 2938-19), костяная модель двухлучной байдарки (№ 7497-4). Изделиями эскимосов в этой коллекции являются курительная трубка (№ 2935-33), табакерка (№ 2938-14) и колок от гарпуна (№ 2937-20).

Нет точных данных, кто был ее собирателем — А.Ф. Миддендорф, В.А. Миддендорф или И.Г. Вознесенский. Здесь можно высказывать только предположения. Если коллекция поступила от В.А. Миддендорфа, то что означает дата «28 апреля 1847 г.»? В это время он находился еще в Санкт-Петербурге. А.Ф. Миддендорф в это время также был в столице. Наиболее вероятным является предположение, что 28 апреля 1847 г. И.Г. Вознесенский отправил эту коллекцию на имя А.Ф. Миддендорфа либо в этот день ее получили в Санкт-Петербурге. 13 июля 1844 г. И.Г. Вознесенский прибыл в Петропавловск-Камчатский. А.Ф. Миддендорф в тот период проводил исследования в районе Шантарских островов в Охотском море. Они не встречались, но знали об исследованиях друг друга. А.Ф. Миддендорф и И.Г. Вознесенский были ровесниками, оба одновременно работали в составе академических экспедиций и занимались сбором естественно-научных коллекций. Возможно, что в период 1844—1845 гг. И.Г. Вознесенский получил от А.Ф. Миддендорфа какую-то коллекцию и позднее в качестве ответного дара отправил ему этнографическую коллекцию по народам Русской Америки. В рецензии на книгу Л.А. Загоскина А.Ф. Миддендорф писал: «Мы должны благодарить путешественника за то, что он наперекор всем трудностям перевозки не преминул привезти с собой необходимые для познания тамошней природы образчики. При этом случае Академия откровенно радуется тому влиянию, которое в столь короткое время оказывало и впредь обещает оказывать присутствие в Ситхе нашего Вознесенского, от которого г. Загоскин получил потребные относительно к собиранию предметов указания» [Миддендорф 1849: 38].

Также необходимо отметить, что в Тарту в Эстонском национальном музее хранится интересная этнографическая коллекция из более ста предметов по культуре тлинкитов, хайда, тихоокеанских эскимосов и денайна (№ С-2), обнаруженная на чердаке этого музея в 1931 г. Ее собирателем указан “Alexander Theodor von Middendorf”, то есть Александр Федорович Миддендорф. В XIX в. коллекция А.Ф. Миддендорфа хранилась в университетском музее Тарту. Наличие этой коллекции свидетельствует о том, что А.Ф. Миддендорф во время пребывания в Сибири приобрел личную этнографическую коллекцию, которой он мог распоряжаться по своему усмотрению. Например, участники экспедиции Г.И. Лангсдорфа имели право оставлять у себя третий экземпляр

однотипных предметов ботанических, зоологических, минералогических, ихтиологических и других коллекций. Это правило действовало в отношении предметов, за которые не надо было что-то давать взамен или платить деньги. Вероятно, это правило распространялось и на участников других академических экспедиций. Поэтому у А.Ф. Миддендорфа могли быть личные естественнонаучные коллекции, которые он мог обменять у И.Г. Вознесенского на этнографическую коллекцию. И.Г. Вознесенский собирал коллекции по всем отраслям науки и мог обменять «американские» этнографические предметы на «сибирские» зоологические или этнографические коллекции, которые отсутствовали в его собрании. Личные коллекции собирали и некоторые главные правители русских владений в Америке. В частности, И.А. Купреянов в 1840 г. и А.К. Этолин в 1845 г. отправили свои коллекции на адрес ИАН с разрешением отобрать из их состава предметы, необходимые для академических музеев. Возможно, вещи, имеющие на этикетках надписи “Middendorf. 28 April 1847. Вознесенский”, входили в личную коллекцию А.Ф. Миддендорфа, отправленную на адрес ИАН. Из ее состава отобрали для Этнографического музея вышеуказанные предметы, а основную часть коллекции передали А.Ф. Миддендорфу. В настоящее время она находится в Эстонском национальном музее.

Как отмечалось, сотрудник ИАН В.А. Миддендорф был руководителем магнитной обсерватории в Ново-Архангельске. В описи к коллекции № 765 сказано, что в ее составе есть вещи по индейцам Бразилии из сборов Миддендорфа. В.А. Миддендорф совершил два морских путешествия: первое — в 1848–1849 гг. из Кронштадта в Ново-Архангельск на судне «Ситха» под командованием шкипера И.Я. Конради и в 1856–1857 гг. — обратное плавание в Кронштадт на корабле «Николай I» под командованием А.Г. Юзелиуса. Во время этих плаваний он посетил Рио-де-Жанейро. Выявить предметы В.А. Миддендорфа из состава коллекции № 765 еще не удалось.

Собрание И.И. Архимандритова

С капитаном Российско-Американской компании **Илларионом Ивановичем Архимандритовым** (1822?–1872) И.Г. Вознесенский познакомился в первые дни своего пребывания в Русской Америке. И.И. Архимандритов был креолом — сыном русского и алеут-

ки. Получил образование в Санкт-Петербурге: в 1833–1837 гг. И.И. Архимандритов учился на штурмана в Училище торгового мореплавания. Затем вернулся на Аляску и плавал на судах Российско-Американской компании сначала штурманом, а затем шкипером — капитаном торговых судов. Коллекция И.И. Архимандритова «предметов естественной истории и этнографии» была передана в Этнографический музей Л.И. Шренком в 1857 г. В середине XIX в. Российско-Американская компания участвовала в освоении района Амура и острова Сахалин, ее флот совершал регулярные плавания между Аляской и Дальним Востоком России. Хотя этнографическая часть этой коллекции состоит только из двух церемониальных масок алеутов острова Атка, они относятся к числу уникальных экспонатов музея (№ 538-1, 2).

Сведения об использовании алеутских масок приведены в записках участников Северо-восточной географической экспедиции, которые посетили Алеутские острова в 1790–1792 гг. К.Г. Мерк писал: «Когда гости заняли свои места, началось радостное пение и танцы, перемежающиеся беседой для отдыха. Затем выступают единичные танцоры обоего пола в масках, которые они надели в другом жилище. Каждый танец в масках сопровождался особым пением. Одна маска держала в руках деревянный сосуд с маленьким пламенем из сухой травы и жира и бросила сосуд прочь, когда огонь потух. Толкование этого огня, а также песни при этом следующее: “Мой отец, который меня произвел на свет, дал мне этот огонь, как дневной свет”. Конец песни сопровождается радостными возгласами, затем это сменяется другими сценами. Тут и подражание охоте на морских животных и птиц, когда один из танцующих, например, притащил целую надутую кожу тюленя и выражал своими телодвижениями радость нападения на след животного, несколько страха и наконец забой животного палкой. Затем под соответствующей маской предлагает свои услуги сват со многими поклонами. Также танцуют девушки с намазанными растертой медной рудой лицами, в отдельных случаях с копьем в руке. В соответствии с обычаем гости не принимают участия в танцах. Последние продолжаются до самого утра. Каждый имеет свою собственную маску, которую прячут в начале весны, и алеуты никогда не сожгут своих масок, даже при полном отсутствии дров. Осенью мужчины вырезают опять себе новые маски с разными украшениями на них, как то: веслами, малень-

кими закругленными кусочками дерева, которые символизируют каменистую почву, на которой они живут, и так далее. Каждый придумывал свои собственные украшения» [Мерк 1978: 63].

В настоящее время в различных музеях на хранении находится менее двадцати алеутских масок и их фрагментов. Маски из коллекции И.И. Архимандритова являются наиболее хорошими по сохранности. Они были приобретены в середине XIX в., когда у алеутов сохранялась память о ритуалах, во время которых использовались такие маски, поэтому они представляют собой «живой» этнографический источник.

Собрание Е.А. Борисова

В сентябре 1859 г. через И.Г. Вознесенского Этнографический музей получил коллекцию от служащего Российско-Американской компании **Ефима Александровича Борисова**. Он был одним из петербургских знакомых И.Г. Вознесенского. В 1852 г. Е.А. Борисов поступил на службу в Российско-Американскую компанию и в следующем году прибыл в Русскую Америку. В 1856–1859 гг. являлся управляющим Николаевского редута на Кенайском полуострове.

Часть этой коллекции И.Г. Вознесенский сразу же передал в музей, а другую часть — только в 1863 г. Это были вещи, которые родственники Е.А. Борисова продали музею. Обе части собрания Е.А. Борисова в 1863 г. объединили в общую коллекцию и зарегистрировали под № 56. Впоследствии эти вещи вошли в сборную коллекцию по атапаскам Аляски № 2667. В настоящее время часть вещей из сборов Е.А. Борисова удалось идентифицировать, их музейные номера указаны в «реестре» его коллекции.

«Реестр вещам, отправленным из Кеная на имя
его высокоблагородия Ильи Гавриловича Вознесенского
10 ноября 1858 г.

А именно: в ящике № 1-ом. (Господину Вознесенскому)

1 лук Кенайский с колчаном из ровдуги с узором (№ 2667-30. — С.К.), при коем 9 шт. разных стрел (№ 2667-28, 31, 32, 33, 34, 35, 36. — С.К.).

1 лук Киятенский, к коему принадлежат 4 шт. стрел без колчана.

1 накидка из маленьких оленьчиков — (Авдотье Борисовой и Дарье Сусленковой).

В ящике № 2-ом. (Его высокоблагородию господину И.Г. Вознесенскому)

1 костюм Кенайский мужской, то есть фрак и брюки с сапогами, именуемый Гальгана, из ровдуги с узором из ньюниковой (из игл дикобраза. — С.К.) щетины, почетного тоена или громкого воина.

1 перчатки с узором.

1 шапка из ровдуги и еврашки с узорами.

1 дудочка для питья воды, употребляемая везде в дорогах и во всякое время, при оной плетенная из бисера и стекляруса тесьма через плечо (№ 2667-29. — С.К.).

1 копье, употребляемое на войне, при оном находятся ножны из ровдуги с бисерным украшением из плетеной из бисера тесьмы, через плечо. Этот прибор весь принадлежит одному почетному воину, и ныне употребляют Кныковские кенайцы, которые находятся поблизости Колчан.

(Авдотье Антоновне Борисовой и Дарье Александровне Сусленковой)

2 парки еврашечьих, находящихся по Кенайским хребтам (две парки из шкур еврашек. — С.К.), добытых нынче осенью в сентябре месяце, первого сорта.

(Его высокоблагородию Илье Гавриловичу, господину Вознесенскому)

1 костюм женский, почетной кенайки нарядное платье, из ровдуги с бисерным украшением (№ 2667-1. — С.К.), к оному принадлежит одна пара рукавиц с узором и одна пара торбасов с бисерным украшением (№ 2667-16/1, 2. — С.К.).

В ящике № 3-ем. (Его высокоблагородию Алексею Михайловичу, господину Сусленкову)

1 пара торбасов и 1 пара перчаток мужских из ровдуги с узором из ньюниковой щетины, Кенайской работы.

1 байдарка с сидящим Аглегмиутцем, костяная из моржового зуба, при оной 1 гребок. Аглегмиутской работы.

1 линейка из моржового зуба. Аглегмиутской работы.

1 раковина для табакерки Сандвичевых островов, пестрая.

(Авдотье Антоновне, госпоже Борисовой и Дарье Александровне, госпоже Сусленковой и Надежде Алексеевне Сусленковой)

2 шт. ишкатов (корзин. — С.К.) корневых больших, Кенайской работы.

1 № корневой круглый маленький нучинский, Угаленской работы.

3 Ишката травяных продолговатых с разными узорами и украшениями (№ 2868-236, 237. — С.К.).

1 мешочек вышитый, для игл, работы креольской.

2 мешочка с разными украшениями, работы Алеутской, и 1 мешочек с узором из нюниковой щетины и разными украшениями, работы креольской, и 1 байдарка 2-хлючная деревянная с сидячими гребцами или промышленниками, то есть кенайцы с разными промысловыми снарядами — Авдотье Антоновне госпоже Борисовой для известия, в каких посудинах я езжу. Только растолкуйте ей, что в середине бывает третий люк, в котором место для меня бывает порожным.

Управляющий Николаевским редутом Ефим Борисов

(Получено 7 сентября 1859)» [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3. Л. 139–140].

В документе упоминаются А.А. Борисова — мать Е.А. Борисова, Д.А. Сусленкова — его сестра, А.М. Сусленков — муж Д.А. Сусленковой, Н.А. Сусленкова — их дочь. Таким образом, первоначально для передачи в музей предназначались: лук денайна с раскрашенным замшевым колчаном и девятью стрелами; мужской костюм из рубахи и штанов; перчатки; головной убор из замши; костяная трубочка для питья воды и копьё. Все вышеперечисленные вещи являлись частью одежды и охотничьего снаряжения «почетного» воина денайна. Также для музея предназначался женский костюм богатой индеанки денайна, который состоял из рубахи, пары рукавиц и пары сапог — «торбасов». Эти костюмы являлись изделиями денайна селения Кнык. В «реестре» Е.А. Борисова упоминается несколько корзинок, которые поступили в музей в 1863 г., возможно, они являются изделиями индейцев ияк. Е.А. Борисов оставался в Русской Америке до ноября 1865 г., когда по окончании срока службы выехал в Санкт-Петербург.

Собрание А.Ф. Кашеварова

Коллекция креола, служащего Российско-Американской компании **Аполлона Филипповича Кашеварова** (1825–?) поступила в Этнографический музей в 1866 г. А.Ф. Кашеваров с 1840 г. со-

стоял писарем при Ново-Архангельской конторе Российско-Американской компании и был знаком с И.Г. Вознесенским. В 1865 г. по окончании обязательного для креолов 25-летнего срока службы он вместе с семьей выехал в Россию. В следующем году А.Ф. Кашеваров отправил на адрес И.Г. Вознесенского этнографическую коллекцию и ее список:

«В Императорский Зоологический музей
от Аполлона Кашеварова
к е. в. Илье Гавриловичу Вознесенскому,
следуют нижеследующие вещи, а именно:

11 августа 1866 г.

1 ящичек, в нем: 8 шт. колибри с о-ва Ситхи.

Алеутские изделия

1 мешок из сивучьих кишок, в нем:

2 радикуля из сивучьих горлов.

2 пузыря медвежьих.

2 портфеля из сивучьих кишок.

13 поддонов разных, сплетенных из травы.

1 пузырь сивучьей.

1 чепчик из сивучьих кишок (Возвращен).

2 модели алеутских байдарок из моржовой кости...

3 древка плетеные с птицами, работы кадьякских алеут.

1 камлея кишечная.

1 юбка с кофтой женские из сивучьих кишок (Возвращено).

1 модель 3-хлючной кадьякской байдарки в натуральном виде, которая может быть в длину не более 3-х сажень или около того.

2 маута Алеутских (линей).

1 парка из ровдуги, одежда кенайцев...

Ап. Кашеваров.

“Костюмы возвращены все обратно г-ну Аполлону Кашеварову в ноябре 1868. И. Вознесенский”» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. до 1918. Д. 8. Л. 29 об.].

К этим вещам И.Г. Вознесенский сделал номерные этикетки, поэтому при регистрации североамериканских коллекций МАЭ в начале XX в. их зарегистрировали как вещи, собранные И.Г. Вознесенским. К сборам А.Ф. Кашеварова может относиться сосуд (№ 2868-53), сплетенный из стеблей дикой ржи. Он имеет форму «поддона» — невысокого сосуда для пищи или домашней утвари.

В собрании МАЭ только этот плетеный сосуд подходит под описание «13 поддонов разных, сплетенных из травы». Под описание «древка плетеные с птицами» подходит фигурка неизвестного происхождения № 6708-6, которая поступила в МАЭ в 1984 г. из Государственного Эрмитажа.